

ПРЕДЕЛЫ ТРАНГУМАНИСТИЧЕСКИХ УТОПИЙ: К ФЕНОМЕНОЛОГИИ ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ М.А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»

Гайфутдинов Ленар Радикович

*Аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет
bilkinbill@gmail.com*

THE LIMITS OF TRANSHUMANIST UTOPIAS: ON THE PHENOMENOLOGY OF TIME IN M.A. SHOLOKHOV'S NOVEL "QUIET FLOWS THE DON"

L. Gaifutdinov

Summary: The article offers a phenomenological analysis of limit-experience in Mikhail Sholokhov's epic novel *And Quiet Flows the Don* in the context of contemporary debates on transhumanism, digital immortality, and the posthuman subject. The theoretical framework is provided by Henri Bergson's concept of duration and Eugène Minkowski's notion of lived time, which together allow subjectivity to be understood as a temporal structure grounded in continuous becoming and vital rhythm. It is shown that the experiences of war, revolution, and civil conflict in the novel lead to a disintegration of duration and to the breakdown of the hero's lived temporal unity, so that finitude manifests itself not only as the risk of physical death, but also as the destruction of inner temporal wholeness. Against this background, transhumanist projects of overcoming death and achieving digital immortality—built on the reduction of subjectivity to data and algorithms—are critically examined. The article argues that Sholokhov's phenomenology of war reveals forms of limit-experience that cannot be removed by technical means without annihilating the very structure of human experience. The conclusion is that *And Quiet Flows the Don* provides an important critical horizon for transhumanist and posthuman utopias, reminding us of the irreducible character of finitude and limit as ontological conditions of human existence.

Keywords: phenomenology; limit-experience; war; *And Quiet Flows the Don*; duration; lived time; transhumanism; digital immortality; posthuman; ontology.

Введение

Роман-эпопея М.А. Шолохова «Тихий Дон» традиционно интерпретируется как произведение о судьбе донского казачества, Первой мировой войне, революции и гражданском конфликте [10]. Однако если сместить оптику с историко-литературного анализа к онтологическому, текст обнаруживает себя как развернутое исследование предельности человеческого существования: войны, распада общинных связей, разрушения привычного мира, утраты длительности жизни. В предыдущих теоретических работах автор обращался к проблеме конечности, цифрового бессмертия и онто-

Аннотация: Статья посвящена феноменологическому анализу предельности человеческого опыта в романе-эпопее М.А. Шолохова «Тихий Дон» в контексте современных дискуссий о трансгуманизме, цифровом бессмертии и постчеловеческом субъекте. Отправной точкой служат концепция длительности Анри Бергсона и идея «проживаемого времени» Эжена Минковского, позволяющие трактовать субъективность как временную структуру, основанную на непрерывном становлении и витальном ритме. Показано, что опыт войны, революции и гражданского раскола в романе ведет к распаду длительности и нарушению единства проживаемого времени героя, в результате чего предельность проявляется не только как риск физической смерти, но и как разрушение внутренней темпоральной целостности. На этом фоне рассматриваются трансгуманистические проекты преодоления смерти и цифрового бессмертия, опирающиеся на редукцию субъективности к данным и алгоритмам. Аргументируется, что шолоховская феноменология войны выявляет такие формы предельности, которые не могут быть устранены техническими средствами без уничтожения самой структуры человеческого опыта. В заключении делается вывод о том, что роман «Тихий Дон» задает важный критический горизонт для трансгуманистических и постчеловеческих утопий, напоминая о неизбывности конечности и границы как онтологических условий человеческого бытия.

Ключевые слова: феноменология, предельность, война, «Тихий Дон», длительность, проживаемое время, трансгуманизм, цифровое бессмертие, постчеловеческое, онтология.

логических границ познания, а также к феноменологии длительности и проживаемого времени как основаниям субъективности [2, 7]. В них внимание было сосредоточено преимущественно на абстрактных моделях трансгуманизма и цифровых утопий. Настоящая статья тематически продолжает эту линию, но переносит акцент на литературный и исторический материал: опыт войны и революции в «Тихом Доне» рассматривается как поле, в котором предельность становится конкретным, телесно проживаемым событием. Проблема, лежащая в основе исследования, формулируется так: каким образом опыт войны и распада мира, описанный Шолоховым, позволяет по-новому увидеть конечность и темпоральность

субъективности и как этот опыт соотносится с современными трансгуманистическими и постчеловеческими представлениями о преодолении человеческих границ [6, 3, 4, 8].

Методология

Методологической основой работы выступает феноменологический подход, в котором анализируются не столько идеологические позиции персонажей или социальная типология, сколько структура их опыта: способ переживания времени, тела, другого, судьбы. Центральными теоретическими опорами являются концепция длительности Бергсона и идея проживаемого времени Минковского, позволяющие описать субъективность как динамическое становление, а не как набор статических состояний [2, 7]. Трансгуманистические и постчеловеческие концепции вводятся не как самостоятельная тема, а как внешний контекст, относительно которого шолоховский эпос обнаруживает критический потенциал.

1. Война как феноменологическое поле предельности

Опыт войны в «Тихом Доне» проявляется не только как череда событий (мобилизация, фронт, революция, гражданские столкновения), но прежде всего как радикальное изменение модуса мира. Мир для героя до войны укоренен в пространстве реки, станицы, земли, семейных и общинных ритуалов. Это мир, в котором вещи, люди и социальные порядки даны как само собой разумеющиеся, не требующие постоянной проблематизации. С началом войны этот горизонт очевидности разрушается. Привычное пространство — дом, поле, дорога — превращается в потенциальную зону угрозы. Там, где раньше были труд, праздник, общинная жизнь, возникают мобилизация, насилие, непредсказуемость. Феноменологически это можно описать как крушение «естественной установки» сознания: исходного доверия к миру, на котором строится повседневное существование [9]. Предельность в этом контексте — не только «шанс погибнуть», но опыт постоянной близости смерти, невозможность отодвинуть её в неопределенное будущее. Для героя шолоховского текста смерть перестает быть абстрактной возможностью и превращается в структурный фон всякого действия. Любое решение, любой выбор — от участия в бою до возвращения домой — оказывается вписан в горизонт возможной гибели, утраты, разрушения связей. Именно в этом смысле войну в романе можно рассматривать как феноменологическое «поле эксперимента»: она обнажает те онтологические структуры, которые в мирном существовании скрыты привычкой и социальными оболочками. То, что в обычном состоянии сознания остается фоном, здесь выходит на первый план: конечность, хрупкость мира, зависимость субъективности от темпоральных и теле-

сных условий. На уровне экзистенциального опыта война превращает каждое «ещё» жизни в потенциальное «уже нет», делая временность плотной, тяжёлой и почти невыносимой.

2. Длительность и судьба: от целостного времени к разрыву

До войны время героя вписано в циклы сельского и семейного быта. Год отмеряется сменой сезонов, работами на земле, праздниками, изменениями в жизни семьи. Это время обладает качественной насыщенностью: каждое событие продолжает предыдущее, прошлое переходит в настоящее и задаёт направленность будущего. В терминах Бергсона это можно описать как целостную длительность — внутреннее время, в котором переживание не расчленено на дискретные моменты, а представляет собой непрерывное становление [2]. Длительность в этом смысле — не календарная протяжённость, а способ быть во времени, когда жизнь воспринимается как связанная история, как становление судьбы. Даже конфликты и разрывы в довоенной жизни героя интегрированы в эту длительность: они не отменяют чувства непрерывности, а лишь усложняют его. С началом войны этот характер времени меняется. Фронтовые эпизоды, смена фронтов, быстрые переходы от ожидания к бою, от жизни к смерти — всё это воспринимается как серия резких скачков, которые не укладываются в прежнюю плавную временную ткань. Внутреннее время героя перестает быть непрерывным: прошлое «до войны» и настоящее «во время войны» всё хуже соединяются друг с другом.

В этом распаде особенно видна актуальность бергсоновского различия между истинной длительностью и её пространственно-количественными суррогатами. Война предлагает множество внешних временных измерений — приказы, сроки, кампании, — но именно они разрушают внутреннюю длительность, в которой субъективность чувствует себя собой. Длительность перестает быть непрерывным становлением и превращается в набор фрагментов, между которыми всё сложнее проводить смысловые мосты. Сюжетная линия Григория и Аксиньи демонстрирует, что человеческая привязанность у Шолохова не сводится к психологической «реакции», а имеет характер длительности: она сохраняет себя сквозь разрывы, возвращения, внешние запреты и моральные коллизии [10, 2]. В бергсоновской перспективе это означает, что любовь выступает формой внутреннего времени, где прошлое не исчезает, а преобразуется в настоящем, сохраняя направленность судьбы даже тогда, когда жизненная «линия» ломается. Такая длительность делает человека собой — не через стабильность обстоятельств, а через непрерывность смысла.

Таким образом, предельность в романе проявля-

ется не только в угрозе смерти, но и в угрозе распада длительности. Человек оказывается на границе, где его жизнь перестаёт переживаться как целостная судьба и начинает распадаться на эпизоды, не складывающиеся в единую историю. Этот разрыв длительности уже сам по себе является феноменологической формой предельности: судьба теряет связность, а время — внутреннюю форму, в которой возможен смысл.

3. Проживаемое время и травма

Если у Бергсона длительность описывает качественно неоднородный поток сознания, то Минковский акцентирует внимание на проживаемом времени как на витальной основе существования [7]. Важным здесь оказывается не только непрерывность, но и ритм — способ, каким субъект «настроен» на мир и будущее. В мирных состояниях проживаемое время обладает определенной «направленностью»: человек чувствует, что его жизнь разворачивается в сторону будущего, что есть пространство возможностей, планов, ожиданий. В шолоховском тексте это выражено через связность поколений, обычаев, через ожидание продолжения рода, сохранения земли, традиций. Война и гражданский конфликт радикально нарушают этот витальный ритм. Состояния страха, утраты, шока, вины, неопределенности, которые переживает герой, можно прочесть в минковскианской оптике как форму дезорганизации проживаемого времени. Настоящее перестает быть устойчивой точкой, в которой прошлое и будущее соединяются; оно превращается в зыбкий, перегруженный аффектами миг, где будущее либо обрывается, либо воспринимается как пустота. Минковский, анализируя пограничные и психопатологические состояния, показывал, что нарушение проживаемого времени ведёт к разрушению самого чувства присутствия в мире. В «Тихом Доне» мы видим историко-литературный аналог этого процесса: герой, многократно переживающий разрыв между тем, «что должно было быть» и тем, «что произошло», утрачивает способность мыслить свою жизнь как непрерывную линию.

Совмещенное рассмотрение длительности и проживаемого времени позволяет выявить внутреннюю структуру субъективности, которая определяется непрерывностью становления. Любое вмешательство в эту структуру — биологическое, психологическое или технологическое — приводит к обнажению границ человеческого существования. Минковскианская перспектива здесь пересекается с феноменологической психопатологией, в которой травматический опыт рассматривается как радикальное смещение временных интенций и утрата горизонта будущего. Шолохов фиксирует травматический разрыв проживаемого времени предельно наглядно в эпизоде, где после убийства австрийского солдата Григория начинает преследовать образ по-

гибшего, возвращающийся во сне и в видениях. Здесь травма действует не как воспоминание о прошлом, а как событие, вклинивающееся в настоящее и лишаящее его устойчивости: прошлое не «уходит», а заново случается. По Минковскому это можно описать как нарушение витального ритма и направленности времени: будущее утрачивает открытость, а настоящее превращается в тяжёлую, замкнутую область повторения. Шолохов показывает, что любовная связь в условиях социального запрета и неустойчивости (замужество Аксиньи на Степане, принудительная женитьба Григория на Наталье, повторяющиеся разрывы) деформирует проживаемое время не менее радикально, чем фронтовой опыт. Будущее переживается не как открытая область возможностей, а как колеблющееся обещание, постоянно «отнимаемое» обстоятельствами и чужими решениями [7]. Отсюда рождается особая темпоральность ревности и вины: прошлое возвращается не как воспоминание, а как повторяющееся присутствие, которое не даёт настоящему стать устойчивым.

В этом смысле шолоховский герой не только «страдает» от войны: он проживает такую деформацию времени, при которой само «я» оказывается на грани распада. Там, где будущее больше не простирается, а прошлое превращается в тяжёлый, неподвижный груз, предельность обретает форму внутренней катастрофы — тихого, но необратимого разрушения временной ткани субъективности.

4. Предельность как разрыв внутреннего времени

Предельность предстает в феноменологии как форма темпорального разрыва. Она выражает не момент исчезновения, а момент, в котором длительность потеряла возможность продолжения. В этом разрыве обнаруживается зависимость субъективности от внутреннего времени. Предельность — это не биологическое событие, а онтологическое состояние, раскрывающее временную природу сознания. Разрыв длительности не устраняется продлением жизни: он связан с самой структурой становления, которая предполагает возможность своего завершения. Тем самым конечность не может быть преодолена внешними средствами, поскольку она укоренена во внутреннем времени субъекта. Философия предельности показывает, что человеческое существование определяется не только протяженностью жизни, но и темпоральной структурой переживания. Феноменологический анализ предельности позволяет увидеть, что окончание времени субъекта — не физическое прекращение функций организма, а прекращение внутреннего ритма, благодаря которому существует смысловое поле опыта. Таким образом, смерть становится не только биологической, но и феноменологической категорией: она выражает невозможность продолжения становления. В то же время предельность выполняет ключевую экзистенциальную функцию: она замыкает временную дугу человеческого существования, придавая ему за-

вершенность. Без предельности время субъекта потеряло бы направленность, а жизнь — форму. Это означает, что конечность сама по себе является структурным условием смысла, а не его разрушением. Эта мысль особенно важна в контексте современных техноутопий: попытки устранить смерть как предел бытия приводят не к продлению субъективности, а к ее исчезновению. Неограниченная продолжительность, лишённая структурирующего разрыва, превращает время в пустую последовательность, не способную порождать смысл. Фигура Натальи раскрывает иной тип проживаемого времени — время ожидания, терпения и внутреннего истощения, где предельность проявляется не в одном ярком событии, а в длительном размыкании надежды. Это время «чужой любви», в котором настоящее переживается как неполнота, а будущее — как непрерывное откладывание. Феноменологически здесь видно: предельность существует не только как мгновенный разрыв, но и как медленное разрушение темпоральной опоры, когда субъект продолжает жить, но уже не может продолжать себя как цельность. Шолоховский текст, фиксируя предельные состояния войны, тем самым показывает, что человек становится собой именно в напряжении между становлением и его возможным обрывом. Там, где это напряжение исчезает — будь то в абстрактных проектах «вечной жизни» или в обезличенных режимах существования, — исчезает и драматургия человеческой судьбы. Кульминацией феноменологии предельности становится гибель Аксиньи на руках Григория: здесь предельность дана не как «факт смерти», а как крушение будущего именно в тот момент, когда оно переживается как наконец открывшееся [10]. Это выглядит как радикальный обрыв направленности проживаемого времени: настоящее превращается в неподвижную тяжесть, где жизнь еще продолжается физически, но уже не продолжается как витальное становление [7]. По Бергсону это момент разрыва длительности, когда внутреннее время теряет возможность смыслового наращивания и обнаруживает свою конечность как онтологическое условие судьбы [2].

5. Трансгуманистическая редукция субъективности: «сохранение личности» как утрата проживаемого времени

Трансгуманистический дискурс, как правило, трактует конечность как технически устранимое ограничение, а смерть — как проблему, которая при достаточном уровне развития технологий должна иметь инженерное решение [6, 3]. Внутри этой логики субъект описывается через переносимые и воспроизводимые параметры: память, когнитивные функции, поведенческие паттерны, «профиль» сознания. Однако феноменологическая перспектива, усиленная бергсоновским и минковскианским ядром, позволяет поставить вопрос иначе: что именно предполагается сохранить в проектах цифрового бес-

смертия — информационный след или субъективность как событие времени [2, 7]. Шолоховский опыт войны демонстрирует, что предельность наступает не только как вероятность физической гибели, но и как распад внутренней временной связности, когда судьба перестаёт «собираться» в длительность [10]. Герой существует не как сумма данных, а как проживаемая история, в которой поступок имеет необратимость, утрата — вес, а будущее — либо открытость, либо трагически закрывающуюся перспективу. Именно эти измерения проживаемого времени оказываются наиболее уязвимыми в условиях насилия: травма действует как деформация горизонта будущего и как «застревание» настоящего, а не как дефект, который можно исправить копированием информации [7, 1, 5]. В этой связи трансгуманистическое отождествление субъективности с информацией проблематично: переносимым может быть только «что» (контент), но не «как» (ритм, направленность, жизненная тяга к будущему), то есть не то, что делает сознание живым временем. Даже идеально точный цифровой двойник в лучшем случае воспроизведёт структуру следов, но не восстановит витальный ритм, на котором держится чувство присутствия. Поэтому цифровое бессмертие следует рассматривать не как преодоление предельности, а как её подмена: обещание формальной непрерывности, достигаемое ценой утраты проживаемого времени как основания субъектности.

6. Постчеловеческая распределенная темпоральность и рассеивание внутренней длительности

Постчеловеческие подходы описывают современную техносреду не столько как «будущее после человека», сколько как уже происходящую перестройку условий субъективности, в которой тело, память, идентичность и присутствие оказываются технологически опосредованными [4, 8]. Временность в этих условиях становится распределенной: субъект всё чаще живёт одновременно в нескольких временных режимах — биографическом, социально-историческом и цифровом, — которые не совпадают по ритму и по структуре ожидания. Это не уничтожает предельность, но меняет ее форму: граница проявляется не только как единый «конец», но как множественные микро-разрывы связности времени. Шолоховская война — исторически иной контекст, однако феноменологически она показывает близкий механизм: субъект принудительно включен во внешние режимы времени (мобилизация, приказ, идеологическая смена горизонтов), которые подрывают внутреннюю длительность и нарушают переживание судьбы как единой линии. Если в романе этот сдвиг задан экстремальной исторической ситуацией, то в цифровой современности он проявляется в повседневной форме: ускорение коммуникации, алгоритмическая «память» платформ, метрики эффективности, постоянная актуализация следов. В результате внутреннее время всё

чаще утрачивает автономию и «собираемость», превращаясь в сеть несводимых темпоральных траекторий [8]. В таком контексте предельность может проявляться как распад темпоральной целостности ещё до биологического конца: исчезает доверие к будущему, разрушается направленность, а настоящее становится тяжёлым и неподвижным «без выхода» — именно так феноменологическая психопатология описывает деформации времени при травматическом опыте [7, 5]. Поэтому постчеловеческая распределённая темпоральность оказывается не альтернативой конечности, а её новым выражением: предел переживается как утрата внутренней связности и как невозможность продолжать себя во времени, даже если внешние контуры существования и следов сохраняются. В этом смысле шолоховский материал задаёт критический горизонт: он показывает, что «сохранение» человека нельзя сводить к поддержанию функций или архивированию данных — человеческое удерживается в проживаемом времени, которое имеет ритм, разрывы и конечность как условие смысла [10].

Заключение

Шолоховский «Тихий Дон», рассмотренный в феноменологической перспективе, позволяет сделать несколько принципиальных выводов. Во-первых, роман показывает, что предельность — это не внешний «факт» биографии, а внутренняя структура времени субъективности. Война, революция и распад общинного мира проявляют конечность как распад длительности и проживаемого времени: жизнь перестает быть непрерывной судьбой и превращается в набор фрагментов, между которыми всё сложнее удерживать смысловые связи. Во-вторых, шолоховское описание тела и действия в условиях войны предвосхищает те формы технизации и обезличивания, которые в постчеловеческих и трансгуманистических теориях описываются как новые конфигурации человека и техники. Однако в отличие от

техноутопических нарративов, роман демонстрирует трагическое измерение этих процессов: там, где тело становится ресурсом, исчезает глубина проживаемого времени. В-третьих, сопоставление шолоховского опыта предельности с трансгуманистическими проектами цифрового бессмертия выявляет их онтологическое ограничение. Проекты, ориентированные на сохранение данных, не затрагивают фундаментальной структуры длительности и проживаемого времени. Они могут продлевать существование в формальном смысле, но не способны гарантировать сохранение субъективности как события времени. Собственная позиция автора заключается в том, что шолоховский эпос задаёт важный критический горизонт для современных техноутопий. Он напоминает о том, что человеческое измерение связано не только с объёмом информации или набором функций, но прежде всего с тем, как человек живет во времени — как длительность, которая имеет начало и конец, непрерывность и разрывы, судьбу и предельность. В этом смысле настоящая статья тематически сопрягается с более общим исследовательским замыслом, в рамках которого анализировались цифровое бессмертие, феноменология конечности и проблемы постчеловеческого субъекта. Если в теоретических работах внимание было сосредоточено на абстрактных моделях трансгуманизма и онтологических границах познания, то шолоховский текст позволяет проверить эти конструкции на материале предельного исторического опыта, выявив границы техноутопических представлений о человеке. Перспективным направлением дальнейших исследований представляется сравнение шолоховской феноменологии войны с другими корпусами «пограничного» опыта XX века (лагерная проза, военные дневники, свидетельства катастроф) в контексте критики цифрового бессмертия и постчеловеческих стратегий [1]. Такая работа могла бы углубить понимание предельности как онтологического условия не только индивидуальной, но и коллективной памяти в эпоху радикальной цифровой трансформации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амери Ж. По ту сторону преступления и наказания. М.: Новое издательство, 2015. 224 с.
2. Бергсон А. Непосредственные данные сознания: время и свобода воли / Пер. с фр. Б.Г. Быховского. М.: ЛЕНАНД, 2020. 224 с.
3. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы, угрозы, стратегии / Пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 496 с.
4. Брайдотти Р. Постчеловек / Пер. с англ. Д. Хамис; под ред. В. Данилова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. 408 с.
5. Власова О.А. Феноменологическая психопатология. М.: Когито-Центр, 2010. 288 с.
6. Курцвейл Р. Эпоха духовных машин / Пер. с англ. М.: Эксмо, 2003. 384 с.
7. Минковский Э. Проживаемое время: феноменологические и психопатологические исследования / Пер. с фр. Е. Пучковой, Т. Юшкевич. М.: Городец, 2018. 496 с.
8. Хейлз Н.К. Как мы стали постлюдьми: виртуальные тела в кибернетике, литературе и информатике / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: V—A—C Press, 2025. 432 с.
9. Гуссерль Э. Идем к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга I / Пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 412 с.
10. Шолохов М.А. Тихий Дон: роман в четырёх книгах. М.: Художественная литература, 1980. 736 с.

© Гайфутдинов Ленар Радикович (bilkinbill@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»